

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА.

Случайнымъ образомъ мнѣ пришлось натолкнуться на беззвѣстный юридическій вопросъ, о разрѣшеніи котораго желательно бы было выслушать мнѣнія юристовъ: А. и В. заключили между собою въ 1873 г. договоръ аренды на отдачу первымъ послѣднему въ арендное содержаніе своего имѣнія, состоящаго въ Полтавской губерніи, на 12 лѣтъ. Платежи арендной суммы назначены полугодовые, причѣмъ исполненіе договора обезпечено неустойкою. Арендаторъ В. нарушилъ договоръ въ 1875 году неплатежомъ въ срокъ арендныхъ денегъ, а затѣмъ въ 1876 году умеръ, оставивъ послѣ себя наследниковъ и имущество, надъ которымъ назначена опека. Опекуны, продолжая владѣть арендуемымъ имѣніемъ на арендномъ правѣ, также допустили нарушеніе договора неплатежомъ денегъ за нѣсколько лѣтъ. Собственникъ имѣнія предъявилъ къ опекунамъ искъ о неустойкѣ, и въ основаніе иска положено нарушеніе, допущенное уже послѣ смерти арендатора. Какъ извѣстно, отвѣтственность наследниковъ въ платежѣ неустойки въ губерніяхъ: Черниговской и Полтавской поставлена въ очень тѣсной рамкѣ и обусловлена начатіемъ иска при жизни наследодателя, или же оговоркою въ самомъ обязательствѣ о распространеніи платежа неустойки на наследниковъ (ст. 1,586 1 ч. X. т. св. зак. гражд. 1857 г.), а потому рождается вопросъ, какое вліяніе долженъ имѣть этотъ законъ на исходъ объясненнаго дѣла, если отвѣтная сторона будетъ защищаться отсутствіемъ въ договорѣ всякаго указанія объ отвѣтственности наследниковъ въ платежѣ неустойки? Безъ всякихъ комментариевъ, а руководствуясь одною буквою, законъ этотъ пожалуй можетъ повредить истцу въ его искѣ, такъ какъ разъ въ договорѣ объ отвѣтственности наследниковъ ничего не постановлено, они внѣ всякой отвѣтственности въ платежѣ неустойки, но, войдя въ подробное разсмотрѣніе и обсуждая истинный смыслъ его, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать, что онъ могъ бы повредить истцу тогда только, если бы въ основаніе иска приводилось нарушеніе, допущенное самимъ наследодателемъ. Законъ этотъ, какъ слѣдуетъ заключить, имѣетъ въ виду оградить наследниковъ отъ тѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій, которыя сопряжены съ принятіемъ наследства (ст. 1,104 и 1,259 того же X т.) и, дабы дать наследникамъ возможность имѣть правильный и безошибочный расчетъ при разрѣшеніи ими вопроса о принятіи или отрѣшеніи отъ наследства, онъ постановилъ, что искъ о неустойкѣ долженъ быть начатъ ранѣе открытія права на наследство, начатіемъ его при жизни наследодателя или же, чтобы имъ была видна изъ договора ихъ прямая отвѣтственность въ платежѣ неустойки, если ихъ наследодатель допустилъ нарушеніе онаго, ибо весьма возможно, что право на искъ о неустойкѣ возникло, но еще не осуществлено предъявленіемъ иска, и такимъ образомъ наследники, ничего не вѣдая о такомъ правѣ и слѣпо вступая въ наследственные права, могутъ противъ своей воли попасть въ сѣти, отвѣтствуя въ нѣсколько разъ болѣе противъ стоимости полученнаго ими наследства. Такимъ образомъ, говорю я, очевидно, что ограниченія, сдѣланныя вышеприведеннымъ

закономъ относительно отвѣтственности наследниковъ въ платежѣ неустойки, всецѣло должны относиться къ тѣмъ лишь нарушеніямъ договора, которыя существовали до открытія наследственныхъ правъ. Это ясно доказывается и тѣмъ, что первымъ условіемъ, обуславливающимъ эту отвѣтственность, поставлено — начатіе иска при жизни наследодателя, т. е. она обусловлена тѣмъ временемъ, когда искъ уже возможенъ. Что же касается отвѣтственности за послѣдующія нарушенія (послѣ смерти наследодателя), то очевидно, что 1,586 ст. не можетъ имѣть примѣненія. Неустойка есть одинъ изъ видовъ возмѣщенія убытковъ (ст. 570 и 1,554 того же т. и ч. и рѣш. гражд. касс. деп. 1867 г. № 401 и др.), отвѣтственность же въ причиненныхъ убыткахъ, въ силу закона, лежитъ на томъ, дѣйствіями коего они причинены (ст. 684 того же X т.). Въ данномъ случаѣ таковыя причинены наследниками въ лицѣ ихъ опекуновъ. На это могутъ отвѣтить, что къ принявшему наследство переходятъ и обязанности наследодателя по договорамъ (п. 2-й ст. 1,259, X т.), что по силѣ 1,585 и 1,545 ст. того же т. и ч. договоры уничтожаются только лишь по обоюдному соглашенію и уплатою неустойки онъ уничтожается только тогда, если объ этомъ въ немъ точно изъяснено, что посему наследники, будучи поставлены въ положеніе обязательное исполнить договоръ, должны быть свободны отъ платежа неустойки за силою вышеприведеннаго закона (ст. 1,586), но такой отвѣтъ едва-ли удовлетворительно разрѣшитъ данный вопросъ, во-первыхъ, потому что къ принятію наследства законъ никого не принуждаетъ, оставляя на волю наследниковъ принять наследство или отрѣчься отъ него (ст. 1,255 X т.), слѣдовательно, здѣсь уже не будетъ того обязательнаго положенія, о которомъ я выше сего сказалъ, такъ какъ въ случаѣ невыгодности, усмотрѣнной наследниками, они вправѣ отказаться отъ наследственныхъ правъ и вмѣстѣ съ симъ и отъ исполненія обременительнаго для нихъ договора; а потому принятіе договора къ исполненію, по моему мнѣнію, порождаетъ новыя правовыя отношенія между собственникомъ имѣнія и наследниками арендатора, какъ бы по договору, ими самими заключенному; во-вторыхъ, совершенно не логично бы было оставлять безнаказаннымъ такое произвольное неисполненіе со стороны наследниковъ договора во вредъ собственнику и заставлять его или оставаться безъ всякаго возмездія за пользованіе его имѣніемъ, оставивъ оное на извѣстный срокъ въ безвозмездномъ пользованіи наследниковъ бывшаго арендатора, или же вести съ ними вѣчныя тяжбы...

Высказавъ свои соображенія по данному вопросу, я имѣю честь просить гг. юристовъ не оставить оный безъ вниманія и не оставить безъ отвѣта — правильно или неправильно онъ мною разрѣшенъ, и въ послѣднемъ случаѣ высказать свои соображенія, почему мои соображенія являются неудовлетворительными. При чемъ не лишнимъ считаю обратить на этотъ вопросъ вниманіе и гг. составителей гражданского уложенія, мѣропріятіями которыхъ установится болѣе опредѣленная редакция закона, выраженнаго въ 1,586 ст. 1 ч. X т., если этому изъятію для вышеупомянутыхъ губерній будетъ суждено оставаться непоколебимымъ.

С. Л. Понаиеръ.

Отвѣтъ на статью г. Повзнера.

По поводу статьи г. С. Повзнера (№ 33 „Суд. Газ.“) я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Мнѣ кажется несправедливымъ заявленіе автора относительно того, будто редакція указываемой имъ статьи, вслѣдствіе своей сжатости, рождаетъ разные вопросы, и что буквы этой статьи говорятъ одно, а истинный смыслъ другое, то заявленіе это неправильно, ибо мысль законодателя выражена совершенно ясно и распространеніе не могла быть выражена.

Законодатель, какъ извѣстно, смотрѣлъ и смотритъ на Черниговскую и Полтавскую губерніи, какъ на исключеніе, а такъ какъ по об-

щему закону (1104 и 1259 ст. т. X ч. I св. зак. гражд.) къ наслѣдникамъ умершаго лица переходитъ вмѣстѣ съ имуществомъ и обязанность исполнять и арендные договоры и платить долги, неисключая долговъ, образовавшихся отъ неплатежа наслѣдодателемъ неустойчныхъ денегъ, между тѣмъ законодатель желалъ, чтобы и въ этомъ отношеніи Черниговская и Полтавская губерніи были исключеніемъ, поэтому законодатель издалъ 1586 ст., въ которой говоритъ, что въ означенныхъ губерніяхъ наслѣдники умершаго лица платятъ *долгъ*, образовавшійся отъ неплатежа неустойки, только въ указанныхъ въ этой статьѣ случаяхъ, т. е. не на общемъ основаніи. При чемъ-же тутъ возраженіе противной стороны о томъ, что въ договорѣ нѣтъ указанія объ отвѣтственности наслѣдниковъ въ платежѣ неустойки и при чемъ тутъ ссылка на 1586 ст.?

Еслибъ буквальный смыслъ 1586 ст. давалъ право заключить, что самое *исполненіе* договора о неустойкѣ, включеннаго въ арендный договоръ съ умершимъ лицомъ, не всегда обязательно для наслѣдниковъ, а цѣль законодателя была выразить этими буквами только о необязательности платить долгъ умершаго лица, образовавшійся отъ неплатежа наслѣдодателемъ неустойки, или, наоборотъ, то тогда г. Повзнеръ былъ бы правъ домогаясь уясненія и разрѣшенія вопроса вѣрить ли буквѣ закона или цѣли законодателя. Ибо, понятное дѣло, между этими положеніями громадная разница: въ первомъ случаѣ объ обязательномъ *исполненіи* — самого пункта договора о неустойкѣ, включеннаго въ заключенномъ съ наслѣдодателемъ, т. е. должны или не должны наслѣдники платить неустойки, включенной въ договоръ съ ихъ наслѣдодателемъ, при нарушеніи *ими-же* договора, если объ этомъ не оговорено въ договорѣ, а во второмъ случаѣ идетъ рѣчь о томъ, обязаны или не обязаны наслѣдники платить *долгъ* умершаго лица, образовавшагося отъ неплатежа наслѣдодателемъ неустоечныхъ денегъ, если объ этомъ не оговорено въ договорѣ. Но если буквы и смыслъ закона тождественны, то всѣ вопросы лишни, и выставленный г. Повзнеромъ примѣръ никогда не могъ и не можетъ вызвать пререканій, ибо въ его примѣрѣ идетъ рѣчь объ *исполненіи* наслѣдниками пункта договора о неустойкѣ, включеннаго въ арендный договоръ съ наслѣдодателемъ, а не о *платежѣ* долга наслѣдодателя, образовавшагося вслѣдствіе неплатежа имъ неустоечныхъ денегъ. А 1586 ст. освобождаетъ, при указанныхъ въ ней условіяхъ, только отъ платежа долга, образовавшагося отъ неплатежа наслѣдодателемъ неустоечныхъ денегъ, не касаясь остальныхъ обязанностей наслѣдниковъ по исполненію арендныхъ договоровъ, въ томъ числѣ и договора о неустойкѣ.

Все изложенное ясно доказываетъ, что 1586 ст. ничего неудобнаго не представляетъ.

Р. И. Бродскій.

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА.

О примѣненіи 1586 ст. X т. 1 ч.

(Отвѣтъ гг. С. Л. Повзнеру и Р. Н. Бродскому).

Г. Повзнеръ (№ 33 „Судеб. Газ.“) и г. Бродскій (№ 37 „Суд. Газ.“) сходятся въ своихъ мнѣніяхъ на томъ, что 1,586 ст. 1 ч. X т. не освобождаетъ наслѣдниковъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ отъ обязанности платить неустойку, допущенную ими самими, по договору, заключенному ихъ наслѣдодателемъ, такъ какъ 1,586 ст., по ихъ мнѣнію, говоритъ будто-бы о неустойкѣ, накопившейся при жизни наслѣдодателя и составляющей для наслѣдниковъ долгъ. Расходятся они лишь на редакціи 1,586 ст. Г. Повзнеръ считаетъ, что редакція ст. 1,586 не ясна, что по буквѣ этой статьи закона можно придти ко взгляду, совершенно противоположному тому, который онъ называетъ *истиннымъ* и къ которому онъ приходитъ лишь путемъ подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія этого закона. Г. же Бродскій находитъ смыслъ и букву 1,586 ст. тождественными и все яснымъ до того, что всякіе вопросы лишни. Присоединяясь къ желанію, чтобы въ будущемъ гражданскомъ уложеніи статья эта являлась въ болѣе ясной, устраняющей недоразумѣнія, формѣ, я не нахожу возможнымъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ, что будто-бы наслѣдники въ названныхъ губерніяхъ не освобождаются отъ обязанности платить неустойку по договору, заключенному ихъ наслѣдодателемъ, если они сами допустили эту неустойку своимъ неисполненіемъ договора. Желая добиться истиннаго смысла какого-либо закона, мы должны отыскать его источникъ. Тогда, найдя этотъ источникъ, намъ не будетъ надобности теряться въ догадкахъ, а увидимъ явно и ясно то, что намъ до того казалось темнымъ. 1,586 ст., какъ извѣстно, есть одно изъ 49 изъятій, внесенныхъ въ нашъ сводъ законовъ, согласно Высочайше утвержден-

наго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г., изъ Литовскаго статута, и взято, какъ видно изъ ссылки на полное собраніе законовъ, изъ VII раздѣла XVIII артикула Литовскаго статута. Обратившись къ указанному артикулу, мы находимъ: въ параграфѣ 1, говорится объ обязанности наслѣдниковъ удовлетворить во всемъ по записямъ наслѣдодателя, по коимъ при его жизни состоялось рѣшеніе или только послѣдовало предъявленіе иска. Во 2 параграфѣ этого артикула мы читаемъ: „А ежели позваны будутъ объ очисткѣ, то такъ же наслѣдники умершаго, по обязательству своего предка, должны принять на себя оную очистку съ имѣнія его имъ въ наслѣдство доставшагося; а убытковъ, издержекъ, неустоекъ, штрафовъ и другихъ обязанностей въ оной записи описанныхъ не должны вознаграждать; ибо никто за другаго претерпѣвать не долженъ, также одинъ на другаго не можетъ возлагать какого-либо своего бремени, но тотъ самъ, кто кому въ чемъ обязался, долженъ во всемъ томъ удовлетворить, а когда онъ умеръ, не бывъ еще позванъ въ судъ или *прежде срока, назначеннаго въ ономъ обязательствѣ*, то наслѣдники должны заплатить только занятой капиталъ безъ всякихъ свершковъ, штрафовъ и вознагражденія за издержки; исключая, если бы жена, или совершеннолѣтніе дѣти покойнаго наравнѣ съ нимъ были включены въ ту же записъ; въ такомъ случаѣ и они, не отговариваясь смертью оставившаго имъ имѣніе, должны будутъ исполнить по таковой своей записи и всѣ добровольно принятія обязанности свои удовлетворить“. Къ этому артикулу подъ названіемъ „сводъ другихъ законовъ“ слѣдуютъ, между прочими, слѣдующія добавленія: „3) Наслѣдники должны исполнять всѣ обязанности предка по его обязательству, кромѣ штрафа за неустойку. Разд. 6, арт. 8 и разд. 7 арт. 8 и 25. 5) Наслѣдникъ невиненъ платить штрафовъ за неустойку, но всѣ другія обязанности исполнять долженъ. Разд. 4 арт. 22. Полагаю, что по прочтеніи этихъ цитатъ у насъ не останется никакого сомнѣнія, что 1,586 ст. имѣетъ въ виду, какъ и 18 артикулъ литовскаго статута, освободить наслѣдниковъ, не только отъ платежа неустойки, какъ накопившагося долга, но вообще отъ обязанности наслѣдниковъ платить неустойку, коей наслѣдодатель обезпечилъ заключенный имъ договоръ, не дѣлая различія—кто допустилъ эту неустойку. Слѣдовательно, въ приводимомъ г. Повзнеромъ случаѣ, судъ, по моему мнѣнію, долженъ отказать истцу А, въ искѣ. Въ этомъ, вопреки мнѣнію г. Повзнера, утверждающаго, что неустойка есть одинъ изъ видовъ возмѣщенія убытковъ, нельзя видѣть нарушенія принципа, установленнаго 684 ст., что всякій обязанъ вознаграждать за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями или упущеніями. „У насъ, говоритъ г. Побѣдоносцевъ въ своемъ Курсѣ Гражданскаго права, общее правило о неустойкѣ то, что она взыскивается независимо отъ взысканія по неисполненію договора. Договоръ и при взысканіи неустойки остается въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изъяснено, что платежемъ неустойки онъ превращается (1,585). Вообще неустойка опредѣляется за неисправность (1,574). Стало быть у насъ неустойка есть видъ пени за неисправность, а не вознагражденія убытковъ, не обезпеченіе послѣдствій неисполненія. (Курсъ гражданскаго права ч. 3 стр. 275). Такъ смотритъ на неустойку и правительствующій сенатъ,

признавшій, что взысканіе неустойки не исключаетъ права кредитора требовать и вознагражденіе за убытки, причиненные нарушеніемъ договора (1869 г. № 310, 1870 г. № 572, 1871 г. № 891, и 1872 г. № 638). Да и вообще, что неустойка не есть видъ возмѣщенія убытковъ, мы видимъ изъ того, что неустойка не находится въ зависимости отъ количества причиненныхъ неисполненіемъ договора дѣйствительно убытковъ, и взыскивается въ случаѣ просрочки и т. д., если контрагентъ отъ этого даже никакихъ убытковъ не потерпѣлъ. На этомъ я бы могъ окончить свой отвѣтъ, но я не могу пройти молчаніемъ о слѣдующемъ обстоятельстве. Какъ видно со словъ гг. Повзнера и Бродскаго, оба они полагаютъ, что для перехода обязанности платежа неустойки на наследниковъ, по 1,586 ст. достаточно, если объ этомъ переходѣ обязанности на наследниковъ оговорено въ договорѣ. Въ это заблужденіе ихъ, очевидно, вводитъ дѣйствительно не ясное выраженіе 1,586 ст. „когда въ самомъ обязательствѣ платежъ неустойки *распространенъ* на наследниковъ“. Въ дѣйствительности же, какъ мы видѣли выше изъ цитаты VII раздѣла XVIII артикула литов. ст., для перехода обязанности платежа неустойки на наследниковъ необходимо, чтобы они были *включены въ записъ наравнѣ съ наслѣдодателемъ*, т. е., чтобы они сами участвовали въ заключеніи сдѣлки. Допускать противное сему толкованіе значитъ нарушить преподанное литовскимъ статутомъ правило, что *никто за другаго претерпѣвать не долженъ, также одинъ на другаго не можетъ возлагать какого-либо своего бремени*. Что касается затронутаго г. Повзнеромъ вопроса—желательно-ли оставить изъятіе, установленное 1,586 ст. и въ нашемъ будущемъ гражданскомъ уложеніи, то мнѣ кажется, что это вполне гуманное правило не только не должно быть отвергнуто комиссіей, составляющей то уложеніе, но желательно превратить его изъ исключенія для Черниговской и Полтавской губерній въ общее правило для всей Имперіи. Если означенная комиссія не найдетъ возможнымъ перенести къ намъ изъ запада правила о соотвѣтствіи неустойки дѣйствительному ущербу и о правѣ суда уменьшить договоромъ опредѣленную неустойку при ничтожности причиненнаго вреда, то, мнѣ кажется вполне справедливымъ, освободить наследниковъ отъ обузы платить неустойку, которой наслѣдодателю угодно было обезпечить неудобноисполнимый договоръ.

И. Фишмакъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА.

Еще по поводу толкованія 1586 ст. X т. ч. I.

Вопросъ о точномъ смыслѣ 1586 ст. X т. ч. I, возбужденный и разрѣшенный г. С. Повзнеромъ (№ 33 „Суд. Газ.“) и затѣмъ утвержденный г. Бродскимъ (№ 37 „Суд. Газ.“), хотя и представляетъ интересъ мѣстный для двухъ малороссійскихъ губерній, тѣмъ не менѣе очень важенъ по многочисленности случаевъ возникновенія его на практикѣ: включеніе въ различнаго рода договоры условія о неустойкѣ вошло даже въ привычку сторонъ, а переходъ таковыхъ къ наслѣдникамъ того или другаго контрагента—тоже не рѣдкость, слѣдовательно, вѣрное разрѣшеніе вопроса о точномъ смыслѣ приведенной 1586 ст. весьма желательно, а между тѣмъ, вышеназванные авторы далеко не удовлетворили этому желанію.

Оба автора, расходясь въ своихъ мотивахъ, согласны между собою въ конечномъ результатѣ, что соблюденіе условій 1586 ст. важно только по отношенію отвѣтственности наслѣдниковъ за неустойки, допущенныя самимъ умершимъ наслѣдователемъ. Что же касается вопроса о дальнѣйшей отвѣтственности наслѣдниковъ за ихъ личныя нарушенія договоровъ, то аксіомально—положительный отвѣтъ на него получается уже въ виду общихъ правилъ о переходѣ на наслѣдниковъ обязанности исполнять договоры наслѣдодателей. Несостоятельность этого конечнаго результата можно доказать и не касаясь различныхъ путей, приведшихъ къ нему авторовъ; но мотивы ихъ представляютъ до нѣкоторой степени юридическій интересъ, чтобы не обойти ихъ молчаніемъ.

Первый изъ названныхъ авторовъ, заявляя о существованіи противорѣчія между буквой и цѣлью приведеннаго законоположенія, становится на почву логики и, отчасти, нравственной гуманности, убѣждая, что такое положеніе, какое явствуетъ изъ одной буквы закона и освобождающее наслѣдни-

ковъ отъ всякой отвѣтственности въ неустойкѣ при отсутствіи предписанныхъ закономъ условій— что такое положеніе безсмысленно и убыточно для владѣльцевъ заарендованныхъ имѣній. Противъ этого мы ставимъ слѣдующія возраженія: 1) смерть—естественное орудіе природы, никогда не разбирающее между собственникомъ и арендаторомъ имѣнія; мы не видимъ, поэтому, разумной причины предсказывать смерть непременно арендатору—а не владѣльцу; если въ приведенномъ авторомъ примѣрѣ случилось именно, что смерть постигла арендатора, то это еще не законъ природы, и въ другомъ случаѣ возможно совершенно обратное положеніе, можетъ умереть владѣлецъ, и его наслѣдники могутъ безнаказанно нарушать договоръ во вредъ арендатору. 2) Неустойчивыя условія включаются не въ однихъ только арендныхъ договорахъ, но и всякихъ другихъ, предметомъ коихъ служитъ сдѣлка чисто коммерческаго характера, слѣдовательно и тутъ нѣтъ мѣста защитѣ владѣльцевъ имѣній противъ злоупотребленій арендатора. 3) Тѣ мотивы автора, которые служатъ ему къ уясненію себѣ цѣли закона—дать возможность наслѣдникамъ ориентироваться въ наслѣдственной массѣ чтобы, такъ сказать, не попасть въ просакъ, въ полной мѣрѣ были-бы справедливы и по отношенію наслѣдниковъ вообще, которые—тѣ-же сыны отечества—что и Полтаво-Черниговцы, слѣдовательно можно опять-таки спросить: да почему-же такое исключительное попеченіе о наслѣдникахъ двухъ только губерній? и авторъ, безъ сомнѣнія, не найдется къ правильному отвѣту, и 4) скорѣе всего, намъ кажется, что законъ 1586 ст., какъ и всѣ прочія исключенія для двухъ названныхъ губерній, имѣетъ чисто-историческое значеніе, онъ вѣроятно сохранился въ Россійскомъ уложеніи еще изъ временъ Хмельницкаго, а потому всякая попытка къ достиженію его логики въ настоящее время—есть трудъ совершенно непроизводительный, и доколѣ онъ не отмѣненъ, мы должны руководиться буквальнымъ его содержаніемъ, на минуту же позволяющимъ согласиться съ выводомъ автора.

Второй авторъ построилъ весь свой выводъ именно на буквальномъ смыслѣ закона,—самый кратчайшій путь, и мы охотно могли-бы еще согласиться съ нимъ, если бы обладали искусствомъ автора—читать не написанное; при отсутствіи-же этого навыка, мы считаемъ себя совершенно стѣсненными четко и ясно натканными буквами, въ коихъ о „долгѣ“ за неустойку, поставленномъ даже курсивомъ, нѣтъ и помина, а при такомъ положеніи дѣла, все зданіе автора, какъ построенное на совершенно произвольномъ и ни для кого необязательномъ «долгѣ», должно падать до основанія включительно.

Съ своей стороны, мы находимъ совершенно согласнымъ со смысломъ спорной ст. признать, что отвѣтственность наслѣдниковъ за оба вида неустойки, т. е. допущенныя наслѣдодателемъ или ими лично, обусловливается оговоркою въ самомъ договорѣ о распространеніи неустойки на наслѣдниковъ сторонъ. При отсутствіи-же такой оговорки наслѣдники могутъ отвѣчать только за одинъ видъ неустойки, допущенной самимъ наслѣдодателемъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы искъ этотъ былъ предъявленъ еще къ самому наслѣдодателю; такое требованіе очень понятно, ибо въ этомъ случаѣ условіе о неустойкѣ, потерявъ характеръ отвлеченнаго права, превратилось уже въ реальное требованіе долга, которое, при

судебной доказанности, вполне обязательно для наслѣдниковъ въ силу общихъ правилъ о наслѣдованіи. И вотъ почему въ этой ст. предписываются два условія—соотвѣтственно двумъ приведеннымъ нами случаямъ отвѣтственности наслѣдниковъ за неустойки.

А. Повзнеръ.